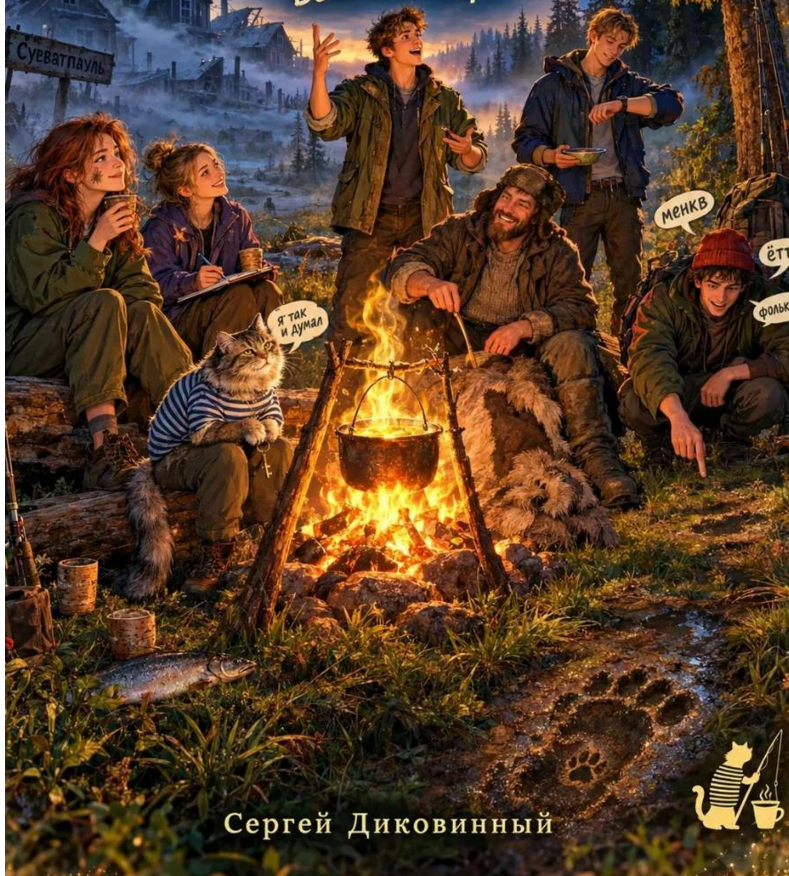

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

или Как мы поймали
Васю в шкуре

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Снежный человек, или Как мы поймали Васю в шкуре

<https://litres.ru/74565332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лёха предложил поймать снежного человека. Все сказали — бред. Все пошли.

Заброшенный посёлок в тайге, проклятие шамана, свежие следы на мокрой земле, засада в сумерках — всё как надо. Етти появится. Они его догонят. И обнаружат, что под шкурой — Василий, местный пенсионер, который уже три года изображает снежного человека, потому что в посёлок должны приезжать люди.

А потом будет уха. И это, пожалуй, самое честное, что случилось с ними за всё путешествие.

Новелла о том, как легенда оказывается соседом, а сосед — легендой. И о том, что иногда чудо — это просто кто-то, кто устал сидеть один.

Содержание

Глава 1. «А давайте поймаем снежного человека» — сказал Лёха, и все посмотрели на кнопку	5
Глава 2. Тайга, туман и первые следы	9
Глава 3. Засада, или Как шесть человек и один кот ждали снежного человека	13
Глава 4. Василий, он же Етти, и правда пропроклятие	17
Глава 5. Уха, костёр и прощание с ётти	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Снежный человек, или Как мы поймали Васю в шкуре

Глава 1. «А давайте поймаем снежного человека» — сказал Лёха, и все посмотрели на кнопку

Начинается всё, разумеется, на кухне. Вечер, чайник, конфеты (уже полкоробки), кто-то листает что-то в телефоне. И тут Лёха, до этого полчаса молчавший, вдруг поднимает голову и говорит с самым серьёзным лицом:

— А давайте поймаем снежного человека.

Пауза.

— Кого? — переспрашивает Соня.

— Снежного человека. Йети. Бигфута. Етти. Он же у нас — ну, в смысле, у нас, на Урале, — есть. Легенды, следы, рассказы. Вот смотрите.

Он кладёт на стол телефон. На экране — статья про заброшенный посёлок в Свердловской области, у границы с Ханты-Мансийским округом. Фотография: пустые дома, заросшая дорога, туман. Подпись: *«По легендам, после проклятия шамана в этом месте поселилось существо, похожее на снежного человека. Местные рассказывали, что оно вечерами ходило по дорогам посёлка и пугало людей».*

— И что? — говорит Максим. — Это же фольклор.

— Это *зацепка*, — отвечает Лёха с азартом. — Мы же путешествуем. А вдруг там *правда* что-то есть?

— Лёха, — говорит Соня. — Стоп. Снежного человека не существует.

— А ты проверяла?

— Проверяла. Я читала научные статьи. Нет доказательств.

— Значит, плохо искали. А мы искать умеем.

Алиса уже наклонилась над телефоном.

— Красивое название у посёлка, — говорит она. — Суеватпауль. Это мансийское?

— Вроде да, — кивает Егор, — но лучше уточнить. Манси — народ такой, у них и легенды про менквов — это как раз местные «лесные люди». Если искать «снежного человека» на Урале, то искать надо именно там. Тайга, глушь, кедрач, охотничьи тропы. И туман. Всё как полагается.

— Вот! — Лёха тычет в него пальцем. — Егор в теме. Ты с нами.

— Я не сказал, что я *с вами*, — уточняет Егор. — Я сказал, что тема интересная.

Соня вздыхает и смотрит на кнопку. Кнопка уже стоит на своём привычном месте — на этот раз она немножко другая: по её краю выведен морозный узор, будто её присыпали снегом. Подпись та же: «НЕ НАЖИМАТЬ».

Кот-мореход, до этого спавший на холодильнике, открывает один глаз.

— Даже не думайте, — говорит он.

— Почему? — обижается Алиса.

— Потому что я *знаю*, чем это заканчивается, — отвечает Кот. — Мы найдём либо никого, либо что-нибудь, что нас потом попросят забыть. И в обоих случаях я окажусь виноват.

— С чего бы ты оказался виноват? — удивляется Максим.

— Потому что я кот, — говорит Кот. — Котов всегда видят. Это, так сказать, историческая несправедливость.

— Так ты с нами? — спрашивает Лёха.

Кот долго молчит. Потом смотрит на морозный узор на кнопке. Потом на Лёху.

— С вами, — говорит он. — Но я предупреждал.
Лёха нажимает.

Глава 2. Тайга, туман и первые следы

Они оказываются не в посёлке, а в лесу. Сосны, кедры,

мокрая трава под ногами, туман висит между стволами и не хочет уходить. Утро. Пахнет хвоей, мокрой землёй и очень отдалённым дымом — где-то далеко кто-то топит печь.

— Это Свердловская область, — говорит Егор, глядя на телефон, который, к его удивлению, ловит связь. — Севернее Ивделя. У границы с Ханты-Мансийским округом.

— А это случайно не тот самый посёлок? — Алиса показывает рукой.

Сквозь туман, метрах в двухстах, угадываются дома. Пять, может быть, шесть. Большинство — с выбитыми окнами, заросшие. Дорога между ними — узкая, затянутая травой.

— Он, — подтверждает Соня, сверяясь с картой. — Суеватпауль.

— Суеватпауль, — повторяет Егор с удовольствием. — Мансийское. «Суеват» — это, вроде, кедровый мыс. «Пауль» — посёлок, деревня. То есть — «Кедровый посёлок».

— Я здесь недолго, — говорит Кот, который сидит на ближайшей сосне и обнюхивает воздух.

— Почему? — спрашивает Лёха.

— Здесь кто-то есть, — коротко отвечает Кот. — И он пахнет... не как обычный человек. Я бы даже сказал — пахнет очень старательно.

Никто тогда не понял, что он имел в виду.

Они обходят дома. Внутри — пусто, развал, старая мебель, чьи-то фотографии на стене в одном из домов. Алиса берёт одну фотографию в руки — семья, дети, улыбки, ко-

нец семидесятых. Она кладёт фото на место.

— Раньше тут жили, — говорит она тихо.

— А потом шаман проклял, — подхватывает Лёха с энтузиазмом.

— А потом просто Союз развалился, — говорит Соня. — И закрыли леспромхоз. И все уехали. Без всяких шаманов.

— А ты проверяла?

— Я читала.

Вдруг Максим — он уже минут десять молча ходил по краю посёлка — поднимает руку.

— Сюда. Здесь следы.

Все собираются вокруг. На влажной земле, вдоль одного из домов, чётко отпечатаны следы. Большие. Узкие. Ровные. Очень человеческие, но... не совсем. Слишком длинная стопа. Слишком разлапистая. И идут не вглубь посёлка, а — в сторону леса.

— Ого, — говорит Лёха. — Ого!

— Подожди радоваться, — говорит Максим. — Я не уверен, что это то, что мы ищем.

— А что это может быть?

— След какой-нибудь обуви. Специально сделанной. Или просто очень большой ноги. Или — снежного человека.

— Вот! — Лёха уже почти прыгает. — Значит, идём по следу!

— Куда? — Соня смотрит на туман. — Там лес на сотни километров.

— По следу, — упрямо говорит Лёха. — Он ведёт в тайгу. Или мы идём за ним, или он идёт за нами.

Соня оглядывается на Кота.

— Ты что скажешь?

Кот смотрит на следы. Потом на лес. Потом — куда-то очень внимательно, чуть прищурившись, и на секунду кажется, что он улыбнулся.

— Следы — свежие, — говорит он. — И сделаны *артистично*. Идёмте.

Глава 3. Засада, или Как шесть человек и один кот ждали снежного человека

Место для засады выбрали у старой лесной дороги — недалеко от посёлка, там, где кедрач подступает к тропе вплотную. Яма, ствол упавшего дерева, кусты — всё, что нужно, чтобы сидеть тихо и наблюдать.

— План такой, — говорит Максим, который, разумеется, уже всё рассчитал. — Сидим до темноты. Никто не разговаривает. Никто не двигается. Если появится — я даю сигнал, все стоят на своих местах.

— А если он бросится на нас? — спрашивает Алиса.

— Снежный человек не бросается на людей, — говорит Егор. — Если это снежный человек. Если это менкв — тоже. Они предпочитают уходить.

— А если это не снежный человек? — уточняет Соня.

— Тогда мы тоже предпочтём уйти, — говорит Максим сухо.

Садятся. Вечереет. Тайга затихает. Комар почти не тревожит — прохладно. Из посёлка невдалеке поднимается дым — кто-то топит печь. Все удивлены, но никто не говорит.

Проходит час. Второй.

Ничего.

Лёха начинает шептать. Соня шипит на него. Егор пытается объяснить классификацию гоминидов. Кот сидит отдельно, чуть в стороне, на поваленном дереве, и смотрит в лес внимательно, не мигая.

Потом наступает момент.

В сумерках, между стволов, появляется тень. Большая. Мохнатая. Сутулая. Идёт по тропе — медленно, вразвалку, слегка наклонившись вперёд. На плечах — что-то тёмное, длинное, как шкура.

Лёха втягивает воздух. Алиса ойкает. Соня, к своему удивлению, замирает. Максим показывает рукой: сидим.

Тень проходит мимо, шагах в двадцати. И тут — Кот. Отделения, стоявший на поваленном дереве, вдруг поднимается, делает шаг — и *громко*, с достоинством, произносит:

— Добрый вечер.

Тень останавливается.

Медленно поворачивает голову.

Смотрит на Кота.

Кот смотрит на неё.

Все остальные — даже дышать перестали.

И тут снежный человек — разворачивается и бежит. Быстро. По таёжной тропе. Прямо в лес.

— За ним! — орёт Лёха и первым бросается в погоню.

— Лёха, стой! — Максим уже на ногах.

— Бежим, бежим! — Алиса за ним.

Погоня в сумерках по тайге — это зрелище. Мохнатое существо впереди, шесть человек позади, а замыкает всё Кот, который бежит ровно, без азарта, но не отстаёт.

— Он недалеко! — кричит Максим.

— Догоняем! — Лёха.

— Аккуратнее, тут коряга! — Соня.

— Я *знал*, что мы догоним! — Егор.

— Я *знал*, что мы не должны были вообще сюда идти! —

Кот.

И вот — на небольшой поляне, у ручья, снежный человек спотыкается. Падает. И — вместо того чтобы встать и бежать дальше, вдруг поднимает руки и говорит совершенно нормальным человеческим голосом:

— Всё, всё, хватит! Сдаюсь! Не бейте!

Все останавливаются.

Снежный человек — ётти, менкв, легенда Урала — сидит на земле, дышит тяжело, откидывает с лица мохнатую накидку. Под ней — борода. Мужская. Обычная. Русская борода. Плюс лицо — усталое, хитрое, чуть виноватое.

— Василий, — говорит он. — Местный.

Кот, ничуть не удивлённый, аккуратно садится неподалёку, оборачивает хвост вокруг лап и произносит:

— Я так и думал.

Глава 4. Василий, он же Етти, и правда пропроклятие

Они сидят на поляне, у ручья. Уже почти темно; Максим

разжёл небольшой костёр — огонь тут, вообще-то, не лиш-
ний, потому что ночью в горах холодно. Ётти-Василий си-
дит на поваленном дереве, снял мохнатую «шкуру» — те-
перь видно, что это сшитые вместе куски старого овчинного
тулупа и какие-то искусственные волокна. Штука тяжёлая,
но сносно смотрится в тумане.

— Я на пенсии, — объясняет Василий. — Дом у меня тут,
в посёлке. Один остался. Вот и придумал: сделаю себя ёт-
ти. Напугаю людей — может, приедут. Экотуризм, всё такое.
Сейчас, знаете, как модно — «тайна», «легенда», «маршрут
к снежному человеку». Вот я и стал снежным человеком.

— Сколько вы уже этим занимаетесь? — спрашивает Со-
ня.

— Года три. Пока приезжали — человек пять всего. Двое
— блогеры какие-то, снимали. Один милиционер приезжал,
интересовался. Ещё дед один. Но мало. Дороги плохие, до-
браться тяжело.

— А проклятие шамана? — не удержался Егор. — Это
правда?

— Какое там проклятие, — смеётся Василий. — Посё-
лок закрыли в девяносто девятом. Леспромхоз обанкротил-
ся, всех вывезли. Кто хотел — уехал, кто не хотел — тоже
уехал. Я остался. Собак держу, рыбу ловлю. Мне тут хоро-
шо. А шаман... — он машет рукой. — Жил тут один старик,
манси, действительно. Но никакого проклятия не было. Он
просто уехал, когда посёлок закрывали. Устал.

— А почему легенда осталась? — спрашивает Алиса.

— Потому что людям нужна легенда, — отвечает Василий просто. — Кто-то уехал — значит, они уехали не просто так, а *из-за чего-то*. Кто-то остался — значит, он остался не просто так, а *с чем-то*. Вот и появляются «проклятия», «менквы», «ётти». Никто не хочет верить, что просто закрыли работу.

Кот в это время сидел молча, но тут поднял голову и посмотрел на Василия очень внимательно.

— Ты мне нравишься, — сказал он.

— Спасибо, — ответил Василий, ничуть не удивившись.

— Ты тоже. Ты кто?

— Кот-мореход.

— Хорошая работа.

— Не жалуюсь.

Максим в это время смотрел на часы.

— У нас примерно семь минут до отхода, — сказал он ровно. — Если хотим вернуться, надо решать сейчас.

— Я бы не спешил, — вдруг сказал Василий. — У меня уха готова. С утра варил. Хотите — попробуйте. Всё равно в одиночку есть — тоска.

И тут Лёха поднял руку.

— Слушайте. Семь минут — это семь минут. Давайте так: один раз поужинаем — и отойдём. Успеем.

Максим посмотрел на него.

Потом на Кота.

Потом на Соню.

Соня посмотрела на небо, вздохнула и сказала:

— Уха — это, вообще говоря, аргумент.

Глава 5. Уха, костёр и прощание с ётти

Уха у Василия была — не уха, а открытие. Свежая рыба

из ручья, картошка, лук, лавровый лист, щепотка дыма — потому что костёр. Кружки из бересты. Огонь трещит. Тайга тихо стоит вокруг. Даже комары как будто поутихли.

Сидят все вповалку. Василий рассказывает:

— Тут у нас в реке — щука, окунь, язь. Иногда — таймень заходит. Лучшее время — сентябрь. Но и сейчас ничего. Я каждый день хожу. Вот — улов на уху, остальное обратно в реку. Кто хочет — может на зиму засолить, но мне одному много не надо.

— А почему вы остались? — спросила Алиса.

Василий долго смотрит в огонь.

— Там, где я родился — этого места уже нет, — говорит он. — Там, где я работал — этого места тоже нет. Здесь есть дом, есть река, есть лес. Здесь я ещё живу. А уеду — не буду жить. Так и остался. И придумал себя ётти, чтобы было с кем разговаривать. Ну, чтобы кто-то приезжал.

— Так вы один тут всё время? — спрашивает Лёха.

— Не один. Кот есть. Собаки есть. Сосед — в трёх километрах. К нам иногда заезжают — охотники, рыбаки. Всё нормально.

Он смотрит на них внимательно.

— Вы не из района, да?

— Не из района, — подтверждает Максим.

— Из города?

— Из города.

— Ну, — Василий улыбается, — туристы. Значит, моя за-

тея сработала.

— Сработала, — соглашается Соня. — Мы действительно приехали.

— И легенду повезёте?

— Не легенду, — говорит Алиса. — Мы повезём *правду*.
Что ётти — это Василий. И что у него уха лучше, чем в любом ресторане.

Василий смеётся. Долго. Хорошо. И наливает всем по второй кружке.

Кот, сидящий рядом, дожидается момента и говорит:

— А теперь я скажу то, что должен сказать.

Все поворачиваются.

— Я, — говорит Кот с достоинством, — в этой истории оказался прав *дважды*. Первое: в том, что здесь кто-то есть. Второе: в том, что это не снежный человек. Я это понял по следам ещё в посёлке.

— По каким признакам? — уточняет Егор.

— По тому, что они *свежие*, — отвечает Кот. — И — *ровные*. Снежный человек, если он существует, не оставляет ровных следов. Он оставляет следы так, как ему удобно. А Василий — старался.

— Спалился, — говорит Василий.

— Спалился, — подтверждает Кот.

Все смеются. Даже Максим. Даже Соня.

Потом Максим поднимает руку.

— Пора, — говорит он.

Все встают. Лёха обнимает Василия — просто так, по-мужски. Алиса делает с ним селфи (Василий сначала смущается, потом соглашается). Соня записывает в блокнот: «Уха. Рецепт. Взять у Василия». Егор обещает, что опишет его случай в курсовой, как «редкий пример современной мифотворческой практики».

Кот подходит последним.

— Ну, — говорит он. — Было приятно. За уху — отдельное спасибо.

— Приезжай ещё, — говорит Василий. — Ты хороший.

— Пока не могу обещать, — отвечает Кот. — Но я запомню. Ты первый человек, который не удивился, что я говорю.

— Я вообще тут не удивляюсь, — улыбается Василий. — Здесь и не такое бывает.

Они отходят в сторону — туда, где воздух начинает слегка дрожать и мерцать. Василий смотрит им вслед. На прощание он поднимает руку и говорит:

— Ребята! Если кто спросит — я ётти. Поняли? Настоящий.

— Поняли! — смеются они.

— И уху мою запомните. Приедете зимой — ещё сварю.

— Приедем!

Мерцание. Шаг. И — кухня.

И снова — их общага. Вечер. Чайник, на этот раз горячий. Коробка конфет, уже совсем почти пустая. За окном темно, но снежинки лёгкие, первые в этом году.

Егор листает телефон.

— Интересно, — говорит он. — Кот, ты как думал?

— Я всегда думаю, — отвечает Кот с холодильника. —

Это моя работа.

— А почему именно тебя он не испугался?

Кот думает.

— Потому что я тоже, — говорит он наконец, — довольно странно выгляжу. Коту в тельняшке и с ключом — удивляться не на кого. Мы с ним сразу поняли друг друга.

— А с нами он зачем разговаривал?

— Потому что устал молчать, — отвечает Кот просто.

И тут Алиса, глядя в окно, говорит:

— А может, снова поедem на Урал? Зимой. К нему. Настоящую уху на настоящем снегу.

Соня поднимает бровь.

— Давайте так, — говорит она. — Сначала сессия. Потом Урал.

— Согласен, — говор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.